

История исторической науки в творчестве А.И. Клибанова

Маргарита Вандалковская

The history of historical science in the works of A.I. Klibanov

Margarita Vandalkovskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010788-7

Научное творчество всегда окрашивается и обогащается личностью его создателя. Несмотря на невзгоды, которые ему пришлось пережить, Александр Ильич Клибанов принадлежал к тому редкому типу учёных, которые органично сочетают рационализм профессионального подхода к науке и склонность к раздумьям, размышлениям и даже поэтическому восприятию истории, мира и жизни. Он и сам писал стихи, собирал картины, в совершенстве владел умением анализировать и обобщать исторический материал. В полемике с оппонентами он неизменно оставался интеллигентен, сдержан, деликатен, однако его вежливые и остроумные возражения не раз обезоруживали собеседника.

Труды Клибанова — исследователя духовной культуры России, религиозной и общественно-политической мысли, реформационных движений XIV — первой половины XVI в., народных социальных утопий XVI и XIX вв. — проникнуты идеей гуманизма и связаны с мыслью о человеке, его достоинстве, сознании, идеалах, о заложенном в нём потенциале общечеловеческих ценностей и любви к свободе. Для него как учёного свойственно обращение к истории исторической науки, к процессу развития научной мысли как части культуры, к профессиональному историческому мышлению. Особое его внимание привлекали переходные эпохи, отражение перемен в общественном сознании в тех условиях, когда ярко выявляются интеллектуальные созидательные возможности личности.

Будучи истым западником, Клибанов включал историю России в контекст европейской истории. Другая характерная черта Александра Ильича — глубокое знание и интерес к философским концепциям, спорам марксистов, позитивистов и неокантианцев — спорам, которые были насильственно оборваны в начале 1930-х гг. Но не для Клибанова. Его чрезвычайно привлекало творчество учёных начала XX в., в частности А.С. Лаппо-Данилевского, одного из первых русских историков-неокантианцев.

Проблему преемственности исторической науки Клибанов считал основополагающей в поступательном развитии научной мысли. При этом одним из составляющих факторов, обеспечивающих преемственность, он признавал отношение историка к своей стране. В сфере же науки, по мысли Клибанова, это преемственность научного знания, которую он воплотил в созданную им самим формулу «культура исследовательского процесса». В эту формулу он включил «терпеливую работу с первоисточниками во всеоружии вспомогательных исторических дисциплин», мастерство источниковедческого анализа.

Он — убеждённый сторонник комплексного подхода к изучаемым проблемам, использования достижений смежных наук: истории литературы и литературоведения, лингвистики, искусств и искусствоведения, применения сравнительно-исторических подходов и знания как древних, так и новых языков. Важным компонентом этой формулы Клибанов считал включение в орбиту исследования новых тем, возникавших в ходе развития науки, способных определить и новые подходы к изучаемой проблеме¹.

В собственной исследовательской практике Александр Ильич постоянно опирался на труды предшественников как по русской, так и по всеобщей истории. Особое внимание он уделял литературоведу Н.С. Тихонравову, применявшему исторические методы в изучении памятников древнерусской литературы и создавшему научно обоснованные исследования междисциплинарного характера; С.В. Ешевскому, историку-медиевисту, в работах которого воссоздавалась общественная мысль, психология людей античности и средневековья².

Клибанов считал научно значимым наследие каждого историка, если в его статье или книге содержались новые идеи, факты, доказательства³. Рассуждения Александра Ильича о культуре исследовательского процесса историка находятся в контексте его мыслей о творческой манере историографических работ Л.В. Черепнина и изложены в сборнике, посвящённом его памяти⁴. По мнению Клибанова, при анализе общих и единичных явлений в истории, общего и особенного в их проявлениях властно действует «фактор времени», в «распределении светлых и тёмных штрихов»⁵ — зависимость историка от времени творения.

Значительное внимание А.И. Клибанов уделил проблеме кризиса отечественной науки начала XX в., о котором много писали в советской историографии. К этому времени в советской историографии по теме «кризиса» была создана значительная литература, в её обсуждении принимали участие известные учёные: И.Д. Ковальченко, Е.В. Гутнова, Л.В. Черепнин, Л.Н. Хмылев, А.Н. Нечухрин и др.

Чтобы понять позицию в этом вопросе Клибанова, необходимо представить, хотя бы кратко, историографическую атмосферу времени, в котором разрабатывалась эта проблема. Общеизвестно, что понятие кризиса было заимствовано в трудах историков, научные взгляды которых сформировались до революции — Р.Ю. Виппера, Д.М. Петрушевского, П.И. Новгородцева. Для них историографический кризис — это прежде всего изменение взглядов на цели и методы исторической науки, отказ от позитивизма, от предопределённости перемен в экономической, социальной и политической жизни, свойственной позитивизму и окончательно утвердившемуся в марксизме с его «сменой общественно-экономических формаций». Историографический кризис воспринимался ими как кризис методологический и как предпосылка к появлению нового уровня осмысления истории.

¹ Клибанов А.И. Мастера исторической науки // Л.В. Черепнин. Отечественные историки XVII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 6.

² Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 10—11, 13—18, 168, 173 и др.

³ Клибанов А.И. Мастера исторической науки. С. 7—8; Клибанов А.И. Высокие уроки // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 93—95.

⁴ Клибанов А.И. Мастера исторической науки. С. 5—8.

⁵ Клибанов А.И. Александр Иванович Якубович: действительность и легенда // Исторические записки. Вып. 106. М., 1981. С. 203.

Совсем иначе историографический кризис оценивала официальная советская историческая наука. Эта тема приобретала политический характер, так как исследования истории страны неизбежно должны были подводить к идее смены формаций, роли классовой борьбы и в конечном счёте к пониманию и объяснению с этих позиций причин революции в России. Отношение к данным вопросам на многие десятилетия определяло оценки историографического наследия в советской исторической науке. Проявления кризиса усматривались только в работах представителей старой школы, которые ассоциировались с буржуазной наукой.

С середины 1950-х гг. в связи с некоторым ослаблением идеологического давления началось изменение в толковании этой проблемы. Появились исследования о вкладе буржуазных учёных в разработку конкретных проблем, о введении ими в научный оборот новых источников, совершенствовании техники исследования⁶. Восстанавливалось представление о методологическом характере кризиса в исторической науке и о его противоречивости (становление методологии истории как самостоятельной дисциплины, утверждение гносеологического подхода к анализу исторических проблем)⁷. Но важно отметить, что незыблемым оставалось утверждение о кризисе, относившемся лишь к либерально-буржуазной науке и к её якобы реакционной направленности.

В годы перестройки некоторые исследователи стали отходить от определения историографического кризиса как характеристики лишь либерально-буржуазной науки рубежа XIX—XX вв. Росло понимание кризиса как естественной стадии развития науки, переходившей от одного качественного состояния в другое под влиянием новых теорий и методологий⁸. На этом историографическом фоне в 1990 г. появилась яркая и содержательная статья А.И. Клибанова «А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель», которая, к сожалению, не стала предметом внимания историков⁹. «Понятие о кризисе русской историографии в его настоящем виде, — писал Клибанов, — представляется прямолинейным, односторонним, заидеологизированным и потому бесперспективным для исторических (как и для историографических) исследований»¹⁰.

Отрицая трактовку кризиса, определяемого советскими исследователями, Клибанов признавал характерную для конца XIX — начала XX в. «глубину и остроту социально-политических коллизий», вызывающих «к осмыслению исторического опыта и углублению в суть исторического процесса с целью прогнозирования его путей»¹¹. Он называл учёных и их труды «кризисной полосой»: А.С. Лаппо-Данилевского и его «Методологию истории», социологические труды М.М. Ковалевского, историко-философские сочинения Н.И. Кареева,

⁶ Алташов М.А. Кризис русской буржуазной медиевистики в начале XX века // Проблемы историографии. Воронеж, 1960. С. 23—27.

⁷ Черепнин Л.В. Основные черты кризиса буржуазной историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963. С. 239—278; Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978. С. 170.

⁸ Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4; Шикло А.Е. Историческая наука в поисках новых подходов и изучению и осмыслению истории (конец XIX — начало XX в.) // Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории СССР. М., 2008. С. 226—227; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. Ч. 1—2. Волгоград, 1999.

⁹ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель // А.С. Лаппо-Данилевский. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990. С. 249—280.

¹⁰ Там же. С. 254.

¹¹ Там же. С. 253.

«Теорию исторического процесса» В.М. Хвостова и отмечал их методологическую направленность, философские поиски и значение.

Изучение теоретических построений названных трудов о движущих силах и ходе исторического процесса привело Клибанова к заключению о наличии их общих и отличительных черт. Наиболее общей и объединяющей их чертой (что важно отметить) Клибанов признавал «такое понимание исторического процесса, которое противостояло его диссолюционному (попятному, регрессирующему) толкованию»¹². Он подчёркивал также, что признание различий в понимании исторического процесса как поступательного развития общества у Ковалевского и у Хвостова, допускающего изменения в ходе его развития, не меняло общего представления учёных этого времени об историческом процессе как прогрессе. Это, разумеется, контрастировало с представлениями об отсутствии у историков «кризисной эпохи» перспективы.

Теории истории, появившиеся уже после революции 1917 г. в России (Е. Трубецкой) и Германии (О. Шпенглер), Клибанов считал «перекрытыми» книгой Хвостова «Этика человеческого достоинства: критика пессимизма и оптимизма» (М., 1912). Этику человеческого достоинства Хвостов, по мысли Клибанова, признавал выше понятий пессимистического и оптимистического мировоззрения¹³. Дореволюционную историческую науку, особенно её лучших представителей, он рассматривал как профессиональный фундамент дальнейшего поступательного развития отечественной науки.

Отнесение советскими исследователями А.С. Лаппо-Данилевского и его современников (В.О. Ключевского, Н.П. Павлова-Сильванского, М.М. Богословского, П.Н. Милюкова, С.Б. Веселовского, С.Ф. Платонова, Ю.В. Готье, М.К. Любавского) к «фигурам, показательным для кризиса буржуазной историографии» (хотя и в разной степени), А.И. Клибанов признавал неправомерным и ошибочным. «Эти учёные, — писал он, — составляют цвет исторической науки, многие из них — авторы капитальных трудов, сохраняющих актуальное значение и поныне»¹⁴. К их числу относятся труды М.М. Богословского «Пётр I. Материалы для биографии», С.Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» и С.К. Богоявленского «Приказные судьи XVII в.», вышедшие в свет в 1940-х гг. Клибанов осознавал, что эти историки старой школы были и остались далёкими от марксизма, некоторым из них свойственна предубеждённость к марксистскому учению. Но их высокий научный уровень и профессиональное мастерство обогатили советскую историческую науку, и они заняли в ней выдающееся место. «Это означает не что иное, — делал вывод Клибанов, — как наличие творческого потенциала, реализованного и вне марксистского мировоззрения»¹⁵. В советской историографии эта мысль впервые прозвучала столь определённо и чётко и по существу явилась ответом на постоянный рефрен советских исследователей о том, что непринятие марксизма учёными старой школы закрывало путь к развитию их профессионализма и возможности творческого совершенствования.

В унисон с учёными, которые считали необходимым для понимания кризиса отечественной исторической науки провести аналогии с кризисами в других областях науки, А.И. Клибанов обращал своё внимание на западноевро-

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 251—252.

¹⁵ Там же. С. 252.

пейскую историографию и статью о ней известного философа В.Ф. Асмуса «Буржуазный алогический историзм эпохи империализма»¹⁶. Он показал, что суть кризиса западноевропейской историографии Асмус видит в том, что её развитие происходит лишь «в узком русле исторической и филологической критики источников, доведённой до высокого совершенства, и не соответствует низкому уровню способности решать теоретические проблемы»¹⁷. Продолжая изложение позиции Асмуса, Клибанов привёл выразительную цитату из его статьи: «Мастерство технической филологии обычно является последней границей научного совершенства буржуазного историка. За этой границей буржуазный историк — обычно самый плоский эмпирик, эклектик или идеалист без явно продуманной перспективы, без сознания логических основ и принципов собственной работы»¹⁸. Клибанов признал, что при определении кризиса западноевропейской историографии Асмус применяет те же критерии, которые используют советские историки для характеристики кризиса русской исторической литературы. Но главное — он вступил в полемику с Асмусом в оценке западноевропейской либерально-буржуазной историографии. «Энергия слов, отличающая характеристику Асмуса, — деликатно замечал Клибанов, — доказательности ей, конечно, не прибавляет, но объясняется ситуативно: работа написана, по-видимому, вскоре после года “великого перелома”»¹⁹.

Александр Ильич решительно не соглашался с обвинениями западноевропейских учёных в ограниченности, эмпиризме, эклектизме и в отсутствии у них ясно продуманной перспективы. Принять оценку Асмусом западноевропейских учёных, по мнению Клибанова, означает отлучить от историографии таких флагманов исторической науки, как Я. Бурхардт, Т. Моммзен, Л. Ранке, а также авторов более скромных, пусть эмпирических, но полезных в науке трудов.

Научную потребность Клибанов видел и в том, чтобы отмечать труды учёных, имеющих заслуги в специальных исторических дисциплинах, особенно в области источниковедения, «что не случайно и не безотносительно, к проверке надёжности таких критериев кризиса, как совершенствование историков в исторической и филологической критике источников»²⁰. В связи с этим историк высказал существенное суждение, направленное против сторонников признания кризиса буржуазной историографии: с одной стороны, кризис в методологии, с другой — высокий уровень методов конкретных исследований. Такое противопоставление методологии и метода профессионалу-историку, по его мнению, «представляется по меньшей мере наивным». Клибанов подкрепил свой вывод уместной в данном случае цитатой К. Маркса: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинным, истинное исследование — это развёрнутая истина, разъединённые звенья которой соединяются в конечном итоге»²¹.

Возражение Клибанова вызывает и утверждение Асмуса о том, что буржуазные историки конца XIX — начала XX в. «упрямо», «слепо и тупо» игнори-

¹⁶ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 2. М., 1971. С. 351—360.

¹⁷ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 255.

¹⁸ Там же; Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 2. С. 354.

¹⁹ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 255.

²⁰ Там же. С. 256.

²¹ Там же; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 1. М., 1955. С. 7—8.

ровали философско-исторические работы марксизма. «Ни немецкие неокантианцы, философы и историки, ни их русские коллеги и единомышленники, — отвечает он Асмусу, — не игнорировали марксизм. И именно потому, что не были ни “слепы”, ни “тупы”, а напротив, достаточно зорки и чутки, чтобы в марксизме опознать развёрнутую теорию идей и целей, провозглашённых “Манифестом Коммунистической партии”»²².

Впрочем, марксистскую историографию этого периода Клибанов оценивал, по меньшей мере, сдержанно: «Даже отмеченные печатью яркого таланта исторические труды Г.В. Плеханова, как и “Русская история с древнейших времён” М.Н. Покровского, в качестве конкретного примера перспективности марксистской методологии истории не являлись вполне убедительными»²³.

Историк по существу отрицал правомерность той трактовки историографического кризиса, которая существовала в советской историографии. «Кризисы, — писал он, — бывают разные: необратимые, безысходные, и кризисы преодолимые в социально-детерминированных пределах, т.е. способные к обретению “второго дыхания”, наконец, кризисы целительные». По мнению Клибанова, буржуазная историография в конце XIX — начале XX в. «обрела своё второе дыхание» — в одних случаях на путях позитивизма и неопозитивизма, в других — неокантианства²⁴. Развитие неокантианства в России он связывал с творчеством А.С. Лаппо-Данилевского.

Клибанов испытывал к Лаппо-Данилевскому особое уважение. Он видел в Александре Сергеевиче не только незаурядного профессионала-историка, но и мыслителя. В этом он следовал традиции ученика Лаппо-Данилевского А.Е. Преснякова, который писал, что не только книги, но и мысли были «важнейшими фактами и событиями жизни Лаппо-Данилевского, важнейшим элементом его личного бытия, областью непрерывной борьбы за разрешение сложных и всё усложняющихся задач... научного и притом исторически ориентированного мировоззрения»²⁵.

Клибанов оценивал Лаппо-Данилевского как учёного европейского масштаба. Он объяснял это не только тем, что последний знал европейскую философскую, историческую мысль и творчески откликался на неё, но и тем, что его «слово как историка и мыслителя» по своему значению было вкладом в европейскую науку и культуру. И это являлось «свидетельством всемирной отзывчивости выдающихся деятелей отечественной культуры, о которой так вдохновенно говорил Ф.М. Достоевский» в своей знаменитой речи на открытии памятника А.С. Пушкину²⁶.

Лаппо-Данилевский, как считал Клибанов, «досконально знал» труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, названного им «новейшим приверженцем диалектического материализма». «Ни в одном историко-методологическом исследовании, — писал Клибанов, — вышедшем из-под пера представителя либерально-буржуазной историографии, не содержится столь широкого обзора марксизма как цельного мировоззрения и учения, как у Лаппо-Данилевского».

²² Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 256.

²³ Там же. С. 252.

²⁴ Там же. С. 256—257.

²⁵ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 5—7. См. также: Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский как учёный и мыслитель // Русский исторический журнал. Кн. 6. Пг., 1920. Этот выпуск журнала был полностью посвящён «Памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского».

²⁶ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 251.

По словам Клибанова, он был безусловным идейным и убеждённым, но не предубеждённым противником марксизма²⁷.

Труды Лаппо-Данилевского конкретно-исторического и культурно-исторического характера, а также работы, посвящённые специальным историческим дисциплинам — дипломатике, источниковедению археографии, были подчинены, по мнению Клибанова, проблемам методологии и методам исторического исследования. И поэтому не случайно свои источниковедческие размышления Лаппо-Данилевский называл «методологией источниковедения».

Спорным, но «крайне важным» представлялся Клибанову вопрос о том, какой труд Лаппо-Данилевского является главным. В отечественной историографии утвердилось мнение, что таким трудом стала двухтомная «Методология истории». Но Клибанов думал иначе. «Речь идёт, — писал он, — о научно-методологическом приоритете в концептуальных рамках творческого наследия Лаппо-Данилевского». С этой точки зрения главным трудом он признавал «Историю политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием её культуры и ходом её политики». Именно эту работу сам Лаппо-Данилевский считал «делом своей жизни».

Клибанов считал также, что многочисленные и разнообразные статьи Лаппо-Данилевского — «Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв.» (1895), «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» (1898), «Об институте социальных наук. Записка Комиссии Российской Академии наук» (1918) и многие другие — были «последовательными ступенями» монументального издания «Истории политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием её культуры и ходом её политики». Вполне закономерно, что для понимания философского обоснования взглядов Лаппо-Данилевского и их сущностных особенностей Александр Ильич обращался к неокантианству, точнее, к его Баденской школе, занимавшейся проблемами философии духовной культуры и методологии исторической науки. Примечательно, что Клибанов считал Лаппо-Данилевского не «простым эпигоном» этой школы, а создателем своеобразной концепции, отличающейся от концепции её основателей В. Виндельбанда и Г. Риккерта²⁸.

Присматриваясь к творчеству Лаппо-Данилевского, Клибанов не мог не задумываться о необходимости пересмотра устоявшихся в советской историографии оценок неокантианства и неокантианцев (и прежде всего их Баденской школы). Он видел, что «историко-философские построения неокантианства при всей их субъективистской гносеологии, апелляции к трансцендентным ценностям, телеологичности, противопоставленной казуальности, не были бесплодным заблуждением». Важным оказалось и то, что эта «школа разрабатывала *проблемы человека* (здесь и далее курсив Клибанова. — М.В.), понятого в качестве “интегрального” явления (Лаппо-Данилевский, Риккерт), в качестве субъекта исторического процесса, человека автономного, ориентирующегося на высокие общественно полезные цели, неповторимого по своему внутреннему миру — миру, открытому вовне и вовне реализуемому». Она «утвердительно ответила на вопрос о *смысле жизни* человека в его назначении строителя мира» и «ввела понятие “культура” как совокупной духовной мощи человечества, на-

²⁷ Там же. С. 269.

²⁸ Там же. С. 259.

растающей по ходу истории, целеполагающей и целенаправленной, созидающей, преобразующей и таким образом составляющей *смысл истории*»²⁹.

Клибанову явно импонировало то, что «приоритет истории выступал у баденцев как приоритет целесообразной деятельности людей во всех сферах культуры, не исключая и политической». По его словам, «отказав истории в наличии имманентных законов, тем и открывая простор культурному творчеству как целесообразной деятельности, Баденская школа стояла на почве утверждения культурной преемственности поколений»³⁰. Это было вполне созвучно стремлению Александра Ильича опереться на наследие русской дореволюционной науки, которое он считал фундаментом для дальнейшего развития отечественной историографии.

Вместе с тем Клибанов, как и Лаппо-Данилевский, не абсолютизировал характерное для Риккерта и Виндельбанда противопоставление номотетической (формулирующей законы и объясняющей) и идиографической (описывающей индивидуальное и событийное) методологий. Само представление об истории как идиографической науке казалось ему несколько упрощённым. С другой стороны, он обращал внимание на то, что «идиография — не фактография, а описание, не имеет ничего общего с описательством». «Описание, — пояснял он, — предполагает погружение исследователя в ткань исторического материала, его способность проникнуть в “душу живую” факта. Описание фактов призвано выволить из плена времени всё то, что делает факт “заложником вечности”». Такое описание и отвечает требованиям индивидуализации. “Пленённость временем” есть “бесполезное”, что необходимо отбросить, тогда как отнесённость к “вечности” есть “пригодное”, подлежащее сохранению»³¹.

Клибанова интересовал вопрос о жизнестойкости неокантианства на русской почве. В стремлении понять причины живучести этого философского участия он вновь обратился к трудам Асмуса. Но предложенные в них объяснения этого явления, сводящиеся к признанию «низкого уровня философской осведомлённости» историков и философов, которые не могли понять смысла утверждающегося неокантианства, Клибанова не удовлетворили. «До чего только не доводит ложная посылка в науке», — возмущался он, возражая Асмусу. Александр Ильич защищал историков начала XX в. от их критика — Асмуса, утверждавшего, что «историки не могли хотя бы “сколько-нибудь самостоятельно”... разобраться в философской литературе»³².

Бесспорным авторитетом в этом вопросе для Клибанова являлся Плеханов, который «понимал, что распространение и жизнестойкость неокантианства были связаны не с философской наивностью» историков и не с пропагандой этого учения, а со сложной научной атмосферой времени и с состоянием марксистской историографии. Чтение Плеханова, по признанию Клибанова, «навело» его на размышления, с которыми небезынтересно познакомиться: «В той или иной теории, когда она не больше, чем пустоцвет, всегда заключены зёрна истины и они могут и бывают освобождены от шелухи, если в этом есть общественная заинтересованность. В смене времён происходит высветление одних граней теории и затемнение других, если теории не нищи или же вообще не успели умереть естественной смертью. В разных исторических условиях теории

²⁹ Там же. С. 261.

³⁰ Там же. С. 258.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 265.

проделывают свои метаморфозы, что представлялось их создателям существенно первостепенным. Как проницательно заметил ещё Л. Фейербах, “каждая эпоха вычитывает из Библии лишь себя самое”; “каждая эпоха имеет свою самодельную Библию”». Из этих суждений А.И. Клибанова следовала его мысль, «что и нашему времени найдётся, что вычитать у субъективистов, в частности у Лаппо-Данилевского»³³.

³³ Там же. С. 266.